

Робинсон Лев Максимович

Метафизика Спинозы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Максимович Р.**
Метафизика Спинозы / Робинсон Лев Максимович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 428 с.

ISBN 978-5-519-80828-6

ISBN 978-5-519-80828-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

Хронологическій порядокъ сочиненій Спинозы.

Что думалъ самъ Спиноза о геометрическомъ методѣ изложенія, прежде всего останавливающимъ вниманіе приступающихъ къ изученію его главнаго труда, лучше всего можно судить на основаніи предисловія къ Принципамъ Картезіанской Философіи, сочиненію, въ которомъ впервые онъ этотъ методъ въ широкихъ размѣрахъ примѣнилъ. Означенное предисловіе, дѣйствительно, какъ видно изъ Epist. 13 и 15¹⁾, по порученію и указаніямъ Спинозы, въ его присутствіи — *me praesente*—его близкимъ другомъ, Людвигомъ Мейеромъ, составленное, имъ, Спинозой, просмотрѣнное и исправленное, отъ его имени, какъ онъ самъ свидѣтельствуеъ, говорящее (Epist. 21: *quemadmodum L. M. in Praefatione meo nomine testatus est...*), должно быть признано несомнѣнно собственныя взгляды нашего мыслителя выражающимъ. Господствующему въ школьной философіи методу изложенія—по преимуществу диспутирующему, довольствующемуся лишь неполнымъ, приблизительнымъ обоснованіемъ утверждаемаго, нестрогому какъ въ доказательствахъ собственныхъ тезисовъ, такъ и въ опроверженіи чужихъ, и потому къ нескончаемымъ спорамъ и безнадежной неувѣренности приводящему — Людвигъ Мейеръ противопоставляетъ аподиктический методъ математическихъ наукъ, которому въ философіи впервые слѣдовалъ „благородный и несравненный Декартъ“. Вслѣдъ за послѣднимъ (въ заключительныхъ строкахъ *Resp. secunda*, представляющихъ какъ бы введеніе къ тому образчику геометрической обработки метафизической темы, что далъ самъ Декартъ подъ названіемъ: *Rationes Dei existentiae, et animae a corpore distinctionem probantes, more geometrico dispositae*), Мейеръ отличаетъ два возможныхъ пути

математическаго изложенія: анализъ и синтезъ; причемъ въ первомъ признаетъ тотъ путь, пользуясь которымъ мы истину открываемъ (*qua res inventae sunt*), во второмъ—только ее излагаемъ (*qua res conscriptae sunt*). Наперекоръ однако самому Декарту, симпатіи друга Спинозы всецѣло склоняются въ пользу послѣдняго изъ нихъ. Въ очевидной демонстративности и принудительной убѣдительности заключаются, на его взглядъ, преимущества метода древнихъ геометровъ. Пользуясь имъ, отъ дефиницій, аксіомъ и постулатовъ переходя къ теоремамъ и проблемамъ, мы всегда можемъ, такъ говорилъ и Декартъ, послѣдующее обнаружить содержащимся въ предыдущемъ, можемъ вырвать согласіе учителя, какъ бы упрямъ и враждебенъ онъ ни былъ. На предпринимаемое Спинозой геометрическое обоснованіе картезіанскаго ученія Мейеръ возлагаетъ, поэтому, большія надежды. Оно именно, по его мнѣнію, должно спасти новую философію отъ грозящей ей участи старой и тогдашней перипатетической: отъ превращенія, благодаря незнакомству ея адептовъ съ методами математиковъ, изъ предмета научнаго разумѣнія въ предметъ самодовольной болтовни и безконечныхъ словопреній.

Вотъ эти-то преимущества убѣдительности и демонстративности, формально-логической прозрачности, и заставили друга Спинозы, да несомнѣнно и его самого, закрыть глаза на тѣ недостатки эвклидовскаго метода, которые подчеркивалъ учитель. Потому, утверждалъ Декартъ, недостаточно синтетическое изложеніе, потому оно „не даетъ полнаго удовлетворенія уму изучающихъ“, что не указываетъ пути, способа, которымъ истина была открыта. И обратно, преимущество аналитическаго изложенія въ томъ и заключается, что имъ онъ обнаруживается, указывается „истинный путь, которымъ предметъ методически былъ открытъ; такъ что если читатель будетъ слѣдовать ему достаточно внимательно, онъ не менѣе основательно усвоитъ себѣ доказываемое, чѣмъ если бы открылъ его самъ“. Аналитическое изложеніе въ этомъ смыслѣ есть изложеніе „какъ бы апріорное“ (*tanquam a priori*; мы сказали бы—генетическое); тогда какъ синтетическое—лишь „какъ бы апостериорное“. И если все же, продолжаетъ Декартъ, въ математическихъ дисциплинахъ синтетическое изложеніе можетъ быть признано бесполезнымъ, въ качествѣ дополняющаго аналитическое, то въ области метафи-

зики умѣстность его представляется еще болѣе сомнительной; поскольку здѣсь, въ отличіе отъ математики, главная трудность заключается именно въ томъ, чтобы заставить читателя ясно и отчетливо уразумѣть основныя въ системѣ понятія, тѣ, къ которымъ не приходится, а изъ которыхъ исходитъ синтетическое изложеніе.

Эти соображенія Декарта вполне оправдались на примѣрѣ Спинозы. Значительная доля той трудности, которую представляетъ уразумѣніе содержащагося въ Этикѣ ученія, можетъ, дѣйствительно, быть отнесена на счетъ формы ея изложенія. Искусственная замкнутость, застывшая отчужденность, придаваемая ею положеніямъ мыслителя, современному читателю прежде всего бросается въ глаза. Но и при болѣе пристальномъ изученіи спинозовскій методъ не перестаетъ быть помѣхой для проникновенія въ существо его воззрѣній. Въ демонстраціяхъ, занимающихъ наибольшую по объему часть его основного труда, изслѣдователь былъ бы склоненъ, конечно, скорѣй найти глоссы, развитіе и поясненіе соотвѣтственныхъ пропозицій, нежели то, что самъ авторъ въ нихъ прежде всего стремился дать: установленіе формальной зависимости данной пропозиціи отъ цѣпи опредѣленій, аксіомъ и пропозицій предшествующихъ. И недостаточность облюбованнаго Спинозой метода проявилась бы, безъ сомнѣнія, еще нагляднѣе, придерживайся онъ его дѣйствительно вполне строго, не уклоняйся онъ отъ геометрическаго изложенія въ многочисленныхъ схоліяхъ, предисловіяхъ и послѣсловіяхъ, къ наиболѣе краснорѣчивымъ и вразумительнымъ составнымъ частямъ его труда принадлежащихъ. Оправдывается на примѣрѣ Этики и другая подмѣта Декарта: что эвклидовскій методъ оказывается непригоднымъ для уясненія того именно, что въ метафизической системѣ въ уясненіи нуждается больше всего—исходныхъ, основныхъ въ ней понятій. Спиноза обольщался, если думалъ, что благодаря выставленнымъ имъ опредѣленіямъ читатель съ самаго начала долженъ проникнуть въ смыслъ опредѣляемаго, усвоить себѣ вполне тотъ базисъ, на которомъ зиждется все дальнѣйшее построеніе. Напротивъ, можно смѣло сказать, что самыя его опредѣленія становятся лишь послѣ того вразумительными, какъ мы уяснимъ себѣ смыслъ тѣхъ понятій, которыя въ нихъ имѣлись быть опредѣленными.

Отсюда видно: если вообще изученіе исторіи развитія

крупной философемы въ высокой степени поучительно, поскольку позволяетъ глубже уразумѣть ея смыслъ и прежде всего—смыслъ исходныхъ, основныхъ въ ней понятій, „позволяетъ читателю въ такой мѣрѣ проникнуться излагаемымъ, какъ еслибѣ онъ дошелъ до него самъ“, то тѣмъ болѣе настоятельнымъ представляется подобное изученіе по отношенію къ Спинозѣ, въ виду по преимуществу агенетическаго характера избраннаго имъ въ его главномъ трудѣ метода изложенія. Генетическое изслѣдованіе спинозизма, можемъ тутъ же добавить, и потому еще стоять на очереди, что важнѣйшій документъ, съ которымъ при такомъ изслѣдованіи приходится считаться—раннее и долгое время остававшееся неизвѣстнымъ (опубликовано впервые van Vloten'омъ въ 1862 г.) произведеніе Спинозы, дошедшій до насъ въ голландскомъ переводѣ „Краткій трактатъ о Богѣ, челоѣкѣ и его блаженствѣ“ (*Korte verhandeling van God, de mensch en deszelfs welstand*)—до сихъ поръ оставался, какъ намъ въ дальнѣйшемъ придется убѣдиться, въ недостаточной еще мѣрѣ использованнымъ.

Вопросъ о хронологическомъ порядкѣ писаній Спинозы—прежде всего представляющійся при избранномъ нами методѣ изслѣдованія—одно время, послѣ открытія Краткаго Трактата, рѣшался съ разныхъ сторонъ столь различно, что грозилъ превратиться въ проблему, по запутанности и противорѣчивости напоминающую знаменитую въ этомъ смыслѣ проблему платоновыхъ діалоговъ. За исключеніемъ Политическаго Трактата, позднее происхожденіе котораго не вызывало сомнѣній, не было философскаго сочиненія Спинозы, датировавшагося согласнымъ образомъ. Съ теченіемъ времени однако, эти разнорѣчія какъ бы сами собой сгладились и нынѣ уступили мѣсто достаточно единодушному въ существенныхъ чертахъ рѣшенію вопроса. И дѣйствительно, если къ вопросу нашему подойти непредвзято, не насилюя имѣющійся фактический матеріалъ въ угоду заранѣе составленной схемѣ, а подчиняясь ему, то рѣшится онъ достаточно просто и убѣдительно.

Не возбуждаетъ прежде всего сомнѣній то обстоятельство, что Краткій Трактатъ долженъ былъ возникнуть до осени 1661 г.—эпохи, къ которой относится начало дошедшей до насъ переписки Спинозы. Дѣйствительно, сравнивая то геометрическое приложеніе, что Спиноза послалъ при первомъ

своемъ письмѣ къ Ольденбургу (само приложеніе, правда, утеряно, но безъ труда въ существенныхъ чертахъ реконструируется на основаніи переписки) съ геометрическимъ же добавленіемъ къ Краткому Трактату, а это послѣднее—со второй главой Трактата (всѣ три писанія относятся къ одной и той же темѣ: ученію о субстанціи), легко убѣдиться, что первое изъ нихъ, какъ болѣе упрощенное, связанное и вразумительное, должно было возникнуть позже второго, точно такъ, какъ второе—позже третьяго.

Менѣе зато надежными представляются попытки болѣе точнаго опредѣленія времени возникновенія Трактата. Слѣдуетъ однако согласиться съ господствующимъ нынѣ мнѣніемъ, что нельзя это время отодвигать слишкомъ далеко отъ указанной выше даты; что нельзя напр. допустить, какъ это дѣлалъ Авенариусъ (въ приложеніи къ сочиненію: *Die beiden ersten Phasen des Spinozischen Pantheismus* 1868), будто Трактатъ возникъ еще до отлученія Спинозы отъ синагоги, до 1656 г. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ по содержанію Трактатъ представляетъ собой сравнительно весьма полный и разработанный очеркъ философскаго ученія нашего мыслителя, по формѣ онъ выполненъ достаточно небрежно, набросанъ какъ бы на-черно, изобилуетъ, въ добавленіяхъ и многочисленныхъ примѣчаніяхъ, вариантами, повтореніями и передѣлками однихъ и тѣхъ же доказательствъ и положеній—словомъ, производитъ впечатлѣніе скорѣе сырого матеріала, чѣмъ законченнаго произведенія. И непонятно было бы, чтобъ мыслитель, владѣвшій столь далеко уже продуманной системой, имѣвшій столь много новаго сказать, удовольствовался бы такимъ несовершеннымъ ея изложеніемъ и на многіе послѣдующіе годы умолкъ. Поэтому, если ужъ захотѣть допустить раннее возникновеніе Трактата, то естественной должна будетъ представиться попытка по возможности отодвинуть къ болѣе равнымъ датамъ время возникновенія и другихъ его сочиненій (какъ это и дѣлаетъ Авенариусъ, къ пятидесятымъ годамъ относящій еще *De intellectus emendatione* и *Theologico-politicus*). Подобнаго рода попытка однако должна быть признана неприемлемой; ибо нѣтъ, мы увидимъ, послѣ Краткаго Трактата ни одного намъ извѣстнаго произведенія Спинозы, возникновеніе котораго могло бы быть отнесено къ сроку предшествующему 1661 г. (за исключеніемъ, развѣ, до насъ не дошедшей Апологіи послѣ отлу-

ченія—сочиненія, написаннаго ad hoc). Возникновеніе нашего Трактата, всего вѣроятнѣе, отсюда видно, должно примѣрно быть отнесено къ 1659—60 г. г. ²⁾).

Вопросы другого рода возникаютъ въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Краткій Трактатъ дошелъ до насъ не въ латинскомъ оригиналѣ, а въ двухъ—зачастую другъ отъ друга отклоняющихся—спискахъ съ голландскаго перевода. Изъ этихъ списковъ одинъ, старѣйшій, такъ называемая рукопись А, относится, повидимому, еще къ эпохѣ самого Спинозы; другой, такъ называемая рукопись В, составленный амстердамскимъ медикомъ Joh. Monnikhoff'омъ относится къ серединѣ восемнадцатаго вѣка. Что Monnikhoff при составленіи своего списка пользовался рукописью А, сомнѣній не возбуждаетъ (въ этой послѣдней, дѣйствительно, находимъ помѣтки, сдѣланныя его рукой). Разнорѣчіе возникаетъ лишь по поводу вопроса: пользовался ли Monnikhoff, при составленіи своего списка, еще и другими какими-либо источниками, кромѣ рукописи А, или же, уклоняясь и исправляя эту послѣднюю, поступалъ вполне произвольно; иными словами—принадлежитъ ли вообще изготавленному имъ списку какое-либо самостоятельное, наряду со старѣйшимъ, значеніе—или нѣтъ. Шааршмидтъ, впервые на этомъ вопросѣ остановившійся, отвѣчалъ на него рѣшительно отрицательно. Отклоненія позднѣйшей рукописи отъ старѣйшей не опираются, по его мнѣнію, на авторитетъ какого-либо первоисточника, neque ejus sunt generis, ut e fonte quodam altero eoque cura nostra digno fluxisse potuerint, sed potius pravo corrigendi studio Monnikhoffii debentur (В. de Spinoza „Korte Verhandelng“ 1869 р. XI). Напротивъ, Зигвартъ, въ предисловіи къ переводу Краткаго Трактата (В. de Spinozas Kurzer Traktat и т. д. 1870 стр. XVIII и сл.), настаивая—и выполнѣ, конечно, основательно—на томъ, что многія изъ исправленій Monnikhoff'a оказываются не только не излишними и неумѣстными, но зачастую необходимыми и долженствующими быть сохраненными, склоняется къ мысли, что помимо рукописи А Monnikhoff пользовался, при составленіи своей, быть можетъ и другими, намъ неизвѣстными источниками; хотя и возможности того, что счастливыми исправленіями въ составленномъ имъ списокѣ мы обязаны одному лишь филологическому такту самого переписчика—не отвергаетъ ³⁾). Уже самая эта возможность однако должна заставить насъ съ большою осто-

рожностью относиться къ рукописи В, поскольку въ ней хотя видѣть источникъ самостоятельнаго, независимаго отъ рукописи А значенія. И осторожность эта, скажемъ сильнѣе—подозрительность, разсматриваемой въ качествѣ самостоятельнаго источника, рукописи В—должна будетъ еще усугубиться, если обратимъ вниманіе на то, опять-таки самимъ Зигвартомъ не отрицаемое обстоятельство, что есть безусловно такія въ ней отступленія отъ рукописи старѣйшей, которыя продиктованы дѣйствительно лишь *studio corrigendi Monnikhoff'a*. Вотъ тому примѣръ. Первая пропозиція перваго добавленія въ рукописи А гласитъ: „Въ природѣ не можетъ быть двухъ субстанцій, которыя бы не были *realiter* отличны другъ отъ друга“; въ рукописи В: „Въ природѣ не можетъ быть допущено двухъ субстанцій одной и той же природы“. По поводу этого разнорѣчія Зигвартъ замѣчаетъ: *Die Lesart von A ist wegen der Beziehung auf Axiom 3 ohne Zweifel die ursprüngliche, während in B eine Reminiszenz der Ethik gewirkt haben mag*. Подобныя же, совершенно, разумѣется, не допустимыя, „реминисценціи Этики“, мы увидимъ дальше, встрѣчаются въ рукописи В не только въ этомъ одномъ, но и въ другихъ—менѣе притомъ невинныхъ случаяхъ. (Можно еще замѣтить, что самое заглавіе, которое Трактатъ носить въ рукописи В—„Этика“—первоначально ему навѣрно не принадлежало. Къ этому заглавію для основного своего труда Спиноза пришелъ, есть основаніе думать, сравнительно поздно: упоминается оно впервые въ письмѣ къ Блейенбергу отъ 13 марта 1665 г.)⁴⁾.

Вопросъ еще болѣе, нежели дебатированный, острый былъ возбужденъ по поводу Краткаго Трактата Фрейденталемъ (*Spinozastudien, Ztschrift. f. Philosophie* за 1898 г.). На его взглядъ, ни одна изъ дошедшихъ до насъ рукописей довѣрія не заслуживаетъ, настолько основательно искаженнымъ, благодаря небрежности переписчиковъ и умышленной перекладкѣ и перетасовкѣ матеріала со стороны предполагаемаго Фрейденталемъ редактора, представляется въ нихъ содержаніе Трактата. Трактатъ этому заслуженному изслѣдователю кажется дошедшимъ до насъ въ столь искалѣченномъ видѣ, что, если согласиться съ нимъ, придется признать его значеніе для уясненія исторіи развитія спинозизма, а вмѣстѣ съ тѣмъ—спинозизма самого, близкимъ къ нулю. Изъ послѣдующаго изложенія мы убѣдимся однако, что, вопреки утвер-

жденіямъ Фрейденшталя, содержащееся въ Трактаѣ ученіе представляетъ достаточно связанное, и въ этой связности—многозначительное цѣлое; что мнѣніе названнаго ученаго о количествѣ искаженій, вставокъ, пропусковъ, повтореній, перетасовокъ и просто безсмыслицъ, въ Трактаѣ якобы содержащихся, весьма преувеличено; что тѣ ошибки и недоразумѣнія, которыя въ немъ дѣйствительно встрѣчаются, отнюдь не принуждаютъ допустить умышленныя измѣненія и искаженія со стороны переписчиковъ или гипотетическаго редактора, но должны быть отнесены на счетъ того обстоятельства, что Трактаѣ дошелъ до насъ лишь въ переводѣ—въ смыслѣ научной тщательности оставляющемъ желать весьма многого—и притомъ еще (мы имѣемъ въ виду рукопись А) не въ оригиналѣ самаго перевода, но только въ списокѣ съ него, составленномъ несомнѣнно малосвѣдующимъ переписчикомъ. Наперекоръ означенному мнѣнію, мы надѣемся показать, что Трактаѣ, въ томъ видѣ какъ онъ сохранился, представляетъ документъ достаточно надежный, безъ чрезмѣрныхъ затрудненій могущій быть использованнымъ для изученія исторіи развитія Спинозовскаго ученія и съ тѣмъ вмѣстѣ—проникновенія въ истинный этого ученія смыслъ.

„Трактаѣ объ усовершенствованіи разума“—ближайшее по времени къ Краткому Трактату произведеніе Спинозы. О раннемъ его происхожденіи свидѣтельствуетъ уже предисловіе къ *Opera posthuma: Tractatus de Emendatione Intellectus est ex prioribus nostri Philosophi operibus, testibus et stylo et conceptibus*. Болѣе опредѣленные указанія находимъ въ перепискѣ Спинозы. Въ письмѣ отъ 21 октября 1661 г. Ольденбургъ спрашиваетъ его отчетливо и ясно изложить свое мнѣніе о происхожденіи вещей и ихъ связи съ Первопричиной: *de vera et prima rerum origine... a qua causa, et quomodo, res coeperint esse, et quo nexu a prima causa, si qua talis sit, dependeant*. Уклоняясь отъ прямого отвѣта, Спиноза ссылается (въ концѣ *Epist. 6*) на имѣющее быть составленнымъ „сочиненіе“, въ которомъ найдется рѣшеніе заданныхъ Ольденбургомъ вопросовъ: *Quod autem ad novam tuam quaestionem attinet, quo modo scil. res coeperint esse, et quo nexu a prima causa dependeant: de hac re et etiam de Emendatione Intellectus integrum opusculum composui; in cujus descriptione et emendatione occupatus sum*. Правда, добавляетъ онъ,

онъ сомнѣвается насчетъ возможности его обнаруженія: *sed aliquando ab opere desisto, quia nondum ullum certum habeo consilium circa ejus editionem*. Онъ боится именно, что опубликованіе этого сочиненія вызоветъ бурю нападокъ со стороны теологовъ и просить своего корреспондента посоветовать, какъ ему быть. Ольденбургъ (Epist. 7) настойчиво убѣждаетъ философа, не беспокоясь о возможныхъ нападкахъ теологовъ, опубликовать плоды своихъ размышленій, и еще въ позднѣйшемъ письмѣ (Epist. 11) освѣдомляется о оудбѣ того „сочиненьица“, трактующаго *de rerum primordio, earumque dependentia a prima causa, ut et de Intellectus nostri Emendatione*. Въ виду того однако, что въ дошедшемъ до насъ *Tractatus de intellectus emendatione* ничего о зависимости вещей отъ первой причины, какъ и вообще ничего такого, что могло бы вызвать нападки теологовъ, не содержится, нѣкоторые изслѣдователи, вслѣдъ за Авенаріусомъ, отвергли возможность отождествленія нашего Трактата съ тѣмъ сочиненіемъ, о которомъ идетъ рѣчь въ приведенной перепискѣ. Но только упустили при этомъ изъ виду то обстоятельство, что дошедшій до насъ „Трактатъ объ усовершенствованіи разума“ — произведеніе далеко недоконченное и что будь оно dokonчено, оно могло бы, естественно, касаться и тѣхъ вопросовъ, о которыхъ говорится въ перепискѣ. Содержаніе дошедшаго до насъ отрывка вполне эту догадку подтверждаетъ. Уже начинается онъ съ заявленія, что авторъ „рѣшилъ, наконецъ, искать, нѣтъ ли чего такого, что представляетъ собою истинное благо, всѣмъ доступное и способное всецѣло, безъ помощи другихъ благъ, афицировать человѣческую душу; болѣе того—нѣтъ ли чего такого, что, будучи найдено и достигнуто, заставило бы насъ навѣки насладиться постоянной и величайшей радостью“. Но какъ могъ Спиноза порѣшить этотъ вопросъ, не коснувшись хотя бы основы своего богоученія: ибо вѣдь въ Богѣ одномъ, въ познаніи и любви къ нему, онъ полагалъ, мы знаемъ, искомое величайшее, нерушимое, человѣческое благо. Неоднократно, съ другой стороны, въ Трактатѣ подчеркивается, что необходимое завершеніе истиннаго метода именно въ познаніи Первопричины заключается. Самое ученіе о методѣ—значится приблизительно въ серединѣ сохранившагося отрывка (*Opera posthuma* p. 370)—должно было состоять изъ трехъ частей, *quia debet Methodus praestare: Primo*

veram ideam a caeteris omnibus perceptionibus distinguere, et mentem a caeteris perceptionibus cohibere. Secundo tradere regulas, ut res incognitae ad talem normam percipiantur (на изложеніи этой второй части ученія о методѣ обрывается Трактатъ). Tertio ordinem constituere, ne inutilibus defatigemur. Послѣ же того, какъ мы этими тремя частями метода овладѣемъ, мы должны будемъ завершить его познаніемъ Высшаго существа: postquam hanc Methodum novimus, vidimus hanc Methodum perfectissimam futuram, ubi habuerimus ideam Entis perfectissimi. Unde initio illud erit maxime observandum (многозначительно подчеркиваетъ Спиноза), ut quanto ocius ad cognitionem talis Entis perveniamus. Когда, поэтому (тамъ же), онъ упрощаетъ читателя не пугаться 'могушихъ встрѣтиться въ его произведеніи парадоксовъ—ne propter paradoxa, quae forte passim occurrunt, ea velit tanquam falsa rejicere, sed prius dignetur ordinem considerare, quo ea probemus, et tum certus evadet, nos verum assequutos fuisse (сходнымъ образомъ въ концѣ Краткаго Трактата онъ проситъ своихъ читателей не удивляться содержащимся въ немъ новшествами и не торопиться отвергать то, что покажется сомнительнымъ, прежде чѣмъ достаточно настойчиво это сомнительное не обдумаютъ)—Спиноза разумѣетъ, надо полагать, „парадоксы“, не къ области методологіи, но именно метафизики относящіяся.

Съ достаточной увѣренностью мы можемъ заключить изъ всего сказаннаго, что нашъ Трактатъ дѣйствительно, согласно первоначальному замыслу Спинозы, долженъ былъ найти свое завершеніе въ сжатомъ изложеніи метафизическаго ученія; что, подобно декартовскому Discours de la méthode, съ которымъ его часто сравнивали, De intell. emend. должно было въ сжатомъ очеркѣ обнять всѣ существеннѣйшіе моменты спинозовской системы, и потому на взглядъ теологовъ быть сочиненіемъ далеко не безразличнымъ. (Въ сжатомъ очеркѣ—мы говоримъ потому, что еслибъ Спиноза здѣсь захотѣлъ обстоятельно, подробно изложить свою систему, еслибъ De intell. emend. должно было дѣйствительно быть „его философіей“, онъ не назвалъ бы его „сочиненіемъ“, opusculum, и не ставилъ бы его написаніе въ зависимость отъ того, рѣшится ли онъ его опубликовать или нѣтъ) ⁵⁾.

Есть основаніе допустить однако, что впоследствии, когда онъ перешелъ къ работѣ надъ Этикой, нашъ философъ